

Вильгельм Гауф

Приключения Саида

Во времена Гаруна аль-Рашида, повелителя Багдада, жил в Бальсоре человек по имени Бенезар. У него хватало достатка, чтобы жить спокойно и в довольстве, не занимаясь торговлей или каким другим делом. И когда у него родился сын, он тоже не изменил образа жизни. «Зачем мне в моем-то возрасте торговать и наживаться, – говорил он соседям, – уж не для того ли, чтобы оставить моему сыну Саиду на тысячу золотых больше, ежели мне повезет, а ежели не повезет, на тысячу меньше? Где двое сыты, там и третий голодным не будет, говорится в пословице, только бы сын вырос добрым юношей, а все остальное приложится». Так сказал Бенезар и сдержал свое слово. Он и сына не обучил торговле или какому-нибудь ремеслу. Но он не забывал читать с ним книги мудрости, и, памятуя, что кроме учености и уважения к старости ничто так не украшает юношу, как меткая рука и мужество, он рано обучил его владеть оружием, и Саид скоро прослыл среди своих сверстников и даже среди юношей старше его годами смелым воином, а в верховой езде и плавании ему не было равных.

Когда Саиду минуло восемнадцать лет, отец послал его в Мекку, поклониться гробу пророка и, как то повелевают обычай и завет Магомета, совершить молитву и положенные обряды. Перед отъездом отец призвал его к себе, похвалил за благонравье, еще раз напутствовал добрым словом, снабдил деньгами, а затем сказал:

– И вот еще что я скажу тебе, сын мой Саид! Я не придерживаюсь предрассудков темного люда. Правда, я охотно слушаю рассказы про фей и волшебников, это очень красит досуги, но я далек от того, чтобы, как многие невежественные люди, верить, будто гении или какие другие сверхъестественные силы оказывают воздействие на жизнь людей. Но твоя мать, – уже двенадцать лет, как она умерла, – твоя мать верила в них столь же свято, как в Коран. Скажу больше, однажды она, взяв с меня суровую клятву, никому, кроме ее дитяти, не открывать этой тайны, призналась мне, что со дня своего рождения общается с феей. Я высмеял ее, но все же, должен признаться, что твое рождение, Саид, ознаменовалось поразившими меня явлениями. Весь день лил дождь и гремел гром, небо заволокли черные тучи, и читать, не зажегши света, было невозможно. В четыре часа дня мне сообщили, что родился мальчик. Я поспешил в покои твоей матери, чтобы увидеть и благословить моего первенца, но все ее прислужницы стояли перед дверью и на мои вопросы ответили, что никому не позволено входить в комнату роженицы; Земира, твоя мать, приказала всем выйти, ибо хотела остаться одна. Напрасно стучал я в дверь – дверь не открылась.

Недовольный, остался я ждать вместе с прислужницами, но тут тучи рассеялись так внезапно, как мне еще ни разу не доводилось видеть, а всего удивительнее было то, что только над любезной нашему сердцу Бальсорой сияла небесная лазурь, а вокруг все заволокли черные тучи, прорезанные зигзагами сверкающих молний. В то время как я с любопытством наблюдал это явление, распахнулись двери в покои моей жены. Я оставил слуганок ждать за дверью и вошел один к твоей матери, чтобы спросить, почему она заперлась в своей опочивальне. Когда я вошел, на меня повеяло таким одуряющим ароматом роз, гвоздик и гиацинтов, что я словно опьянел. Твоя мать поднесла мне тебя и показала серебряную дудочку на тонкой, как шелковинка, золотой цепочке, висевшую у тебя на шее. «Добрая женщина, о которой я тебе уже говорила, была здесь, – сказала твоя мать, – вот что она подарила твоему сыночку». «А, так, значит, эта самая ведьма и разогнала непогоду и напоила твою опочивальню благоуханием роз и гвоздик, – сказал я, недоверчиво усмехнувшись. – Могла бы поднести мальчику что-нибудь поценней дудочки, – хотя бы мешок с золотом, коня или еще что в том же роде!» Твоя мать заклинала меня не издеваться над феями, ведь они вспыльчивы, и в их власти сделать так, что подарок на счастье принесет несчастье.

Она была больна, поэтому я не стал перечить и умолк. Больше про это удивительное происшествие мы ни разу не поминали, только шесть лет спустя, когда твоя мать почувствовала, что, несмотря на свою молодость, скоро умрет, она дала мне ту дудочку и поручила в день, когда тебе исполнится двадцать лет, отдать ее тебе, и ни в коем случае не отпускать тебя из дому хотя бы на час раньше этого дня. Она умерла. Вот этот подарок, – продолжал Бенезар, достав из ларчика серебряную дудочку на длинной золотой цепочке, – тебе сейчас только восемнадцать, не двадцать лет, но я даю ее тебе, потому что ты уезжаешь, а я могу отойти к праотцам еще до твоего возвращения. Я не вижу разумного основания два лишних года удерживать тебя здесь, как того хотела заботливая твоя мать. Ты добрый, рассудительный юноша, оружием владеешь не хуже двадцатичетырехлетнего, и я уже сейчас могу считать тебя совершеннолетним, все равно, как если бы тебе уже минуло двадцать. А теперь, поезжай с миром и в счастье и в несчастье, от которого да храпит тебя небо, помни о своем отце!

Так сказал Бенезар из Бальсоры, отпуская сына в путь. Саид растрогался, прощаясь с отцом, надел цепочку на шею, засунул дудочку за кушак, сел на коня и поскакал туда, откуда отправлялся караван в Мекку. Вскорости караван в восемьдесят верблюдов и несколько сот всадников тронулся в путь, и Саид выехал из ворот Бальсоры, своего родного города, который ему не скоро суждено было снова увидеть.

Вначале его развлекала новизна путешествия и разные разности дотоле им невиданные, но по мере приближения каравана к пустыне местность становилась все более голой и безлюдной, и Саидом овладели разные мысли, между прочим задумался он и над прощальными словами Бенезара, своего отца.

Он вытащил из-за кушака дудочку, осмотрел ее со всех сторон и под конец приложил к губам, ожидая, что она издаст громкий красивый звук, но – вот так штука! – она не зазвучала; он надул щеки и стал дуть что было мочи, но звука так и не извлек; недовольный ненужным подарком, сунул он дудочку опять за кушак. Однако вскоре снова задумался над таинственными словами матери. Ему доводилось слышать о феях, но ни разу не слышал он, чтобы тот или иной из его соседей вступал в общение с сверхъестественными силами; сказания о духах обычно относили к далеким странам и давно минувшим временам, вот он и полагал, что в наши дни фей не бывает, или же они перестали являться людям и принимать участие в их судьбе. Но хотя он так думал, все же им снова и снова овладевало желание поверить в то таинственное и сверхъестественное, что могло произойти с его матерью, вот потому-то он почти целый день ехал словно во сне, не принимая участия в беседе спутников, и не обращал внимания на их пение и смех.

Саид отличался редкой красотой; взгляд его был смел и отважен, рот приятно очерчен, и, несмотря на молодость, во всем его облике было такое достоинство, какое не часто встретишь в столь юные годы, а та осанка, та легкость, та уверенность, с которой он в полном воинском снаряжении сидел на коне, привлекали к нему взоры многих путников.

Старику, ехавшему с ним рядом, он очень поправился, и тот решил расспросить его и узнать его мысли. Саид, которому отец с детства внушил почтительность к старости, отвечал скромно, но умно и обдуманно, чем весьма порадовал старика. Поскольку Саид целый день размышлял все об одном и том же, разговор вскоре перешел на таинственное царство фей, и Саид задал старцу откровенный вопрос, верит ли тот в существование фей и добрых и злых духов, которые охраняют или преследуют человека.

Старик погладил бороду, покачал головой и затем ответил:

– Начисто отрицать, что такое возможно, нельзя, хотя мне до сего дня не довелось еще видеть духов ни в образе гнома, ни в образе великана, а также не встречал я волшебников и фей.

Назад << 1 [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) ... [11](#) >> [Дальше](#)